

А помимо определения сторон света, сельчан ещё больше поразила его способность предсказывать дождь по муравьям и предвидеть погоду.

Деревня жила за счёт милости небек, и в том, какая будет погода — пасмурная, ясная или дождливая, — порой ошибались даже старые крестьяне, из-за чего упускали сроки полевых работ. Цзян Цзя же стоило лишь бросить взгляд на муравьёв на земле, как он уже знал, пойдёт ли дождь в ближайшие три дня, и ещё ни разу не ошибся.

Каждый раз, когда небо собиралось нахмуриться, муравьи собирались в стаи и в спешке перебирались на возвышенности. Цзян Цзя усаживался на землю, молча наблюдая за ними, а затем поднимал маленький палец к небу и тихонько обращался к Цзян-ши:

— Матушка... дождь... пойдёт дождь... в течение трёх дней.

Поначалу Цзян-ши принимала это за детский лепет, но когда это повторилось несколько раз подряд и дождь действительно начинался точь-в-точь по его словам, её охватили изумление и страх. Она неизменно наставляла сына:

— Сынок, об этом никому и никогда нельзя говорить чужакам, рассказывай только мне, понимаешь?

Цзян Цзя послушно кивал:

— Я знаю, буду говорить только с матушкой.

Однажды несколько пожилых крестьян собрались на посиделки под большой софой у околицы, и лица у всех были мрачнее тучи.

— Засуха лютая, земля аж трескается! Если и дальше дождь не прольётся, весь урожай засохнет!

— По-моему, сушить будет ещё полмесяца, боюсь, в этом году от урожая ничего не останется!

Как раз в этот момент мимо проходила Цзян-ши, прижимая к груди Цзян Цзя. Заметив, как тихо ведёт себя мальчик, люди с улыбкой принялись его дразнить.

Один из крестьян присел на корточки и добродушно подшутил:

— Малыш, скажи-ка нам, когда же дождь пойдёт? Если не закапает, вся наша деревня голодать начнет!

Цзян Цзыя опустил взгляд: у обочины густым роем суетились муравьи, торопливо меняя место жительства. Он тут же поднял палец к небу и тихо произнёс:

— Дождь... три дня... обязательно пойдёт дождь.

Все громко рассмеялись, приняв это за детские глупости.

— Этот малыш ещё и погоду предсказывает? А губа не дура!

— В три года виден взрослый, а в два уже вовсю бахвалится!

Цзян-ши в испуге бросилась вперёд и с виноватой улыбкой заговорила:

— Уважаемые старики, не сердитесь, ребёнок ляпнул не подумав, верить этому нельзя.

Люди с улыбкой разошлись, никто и не принял это всерьёз.

Но глубокой ночью три дня спустя поднялся свирепый ветер и хлынул проливной дождь. Лило целые сутки, поля промокли насквозь, урожай был спасён, и вся деревня ликovala.

Ранним утром сельчане собрались у околицы, и вдруг, вспомнив слова Цзян Цзыя, вмиг переменились в лицах — охваченные изумлением, они испуганно переглядывались.

— Пр... правду говорил, через три дня дождь! До единого слова сошлось!

— В прошлые разы тоже: смотрел на муравьёв и говорил про дождь, и каждый раз в точку!

— Этот ребёнок... откуда он вообще взялся? Небесный ли это мальчик, сошедший на землю, или... одержимый нечистой силой?

Кто-то испытывал страх, кто-то благоговейный трепет, кто-то опасался его, а кто-то сторонился.

Семья его жила в крайней бедности, сирота при матери, без какой-либо опоры и поддержки. Сельчане одновременно находили его странным, но приближаться к нему и заводить знакомство не смели, за глаза тихонько прозвав странным ребёнком.

Иные обходили их стороной, а кто-то запрещал своим детям подходить к нему близко, страшась запятнать себя нечистой аурой и навлечь беду.

Цзян-ши видела всё это, и сердце её обливалось кровью. Однажды вечером, усадив сына на край канга, она тихо спросила:

— Сынок, все в деревне избегают тебя, смеются над тобой и зовут странным ребёнком. Тебе на душе... тяжело?

Цзян Цзыя молча смотрел на мать и слегка покачал головой:

— Не тяжело... пока матушка рядом, всё хорошо.

У Цзян-ши покраснели глаза, и слёзы хлынули градом:

— Это матушка никчемна, из-за меня ты с малых лет терпишь такие холодные взгляды и отчуждение...

Цзян Цзыя протянул маленькую ручку и бережно стёр её слёзы. Голосок его звучал мягко, но твёрдо:

— Матушка не знает горя... Я буду рядом с матушкой, мы снесём это вместе.

Цзян-ши крепко прижала к себе ребёнка и сквозь слёзы произнесла:

— Хорошо, снесём вместе! Матушка из кожи вон вылезет, но защитит тебя, вырастит в безопасности!

В один из ясных дней Цзян-ши вынесла его во двор просушить полутомик ветхих трактатов И Цзин, Бронзовую Предков Печать и Тысячелетний Тысячелистник.

Взгляд Цзян Цзыя упал на бамбуковые планки, и он вдруг произнёс:

— Матушка... книги... иероглифы... я хочу учиться.

Цзян-ши одновременно удивилась и обрадовалась. Она торопливо раскатала бамбуковые свитки, указала на древние письма и стала мягко, по одному иероглифу, объяснять:

— Это небо, небо и земля — небо; это земля, великая земля — земля; это инь, а это ян, инь и ян порождают друг друга, всё в мире меняется...

Она произносила это просто так, не рассчитывая, что двухлетний малыш сможет что-то запомнить, но Цзян Цзыя во все глаза смотрел на начертания, водил по ним маленьким пальчиком и повторял вслед за ней. С первого раза запоминал, со второго схватывал на лету —

без единой ошибки.

Цзян-ши задрожала всем телом, и слёзы полились ручьём:

— Сынок мой... да ты обладаешь памятью, что схватывает всё с первого взгляда... Даже если матушка будет питаться лебедой и мякиной, я всё равно стану учить тебя грамоте, передам тебе семейное учение Цзян-ши!

Цзян Цзыя запрокинул голову и улыбнулся:

— Матушка учит... я буду прилежно учиться.

Но спокойные дни, в конце концов, длились недолго.

Несколько озорных мальчишек из деревни, наслушавшись взрослых разговоров о странном ребёнке, испытали любопытство вперемешку со злым умыслом. Они то и дело собирались у дверей их хижины, тыкали пальцами, смеялись и насмехались:

— Смотрите-ка, вот он, странный ребёнок! Дурачок, немой, умеет только на небо пялиться, а играть не умеет!

— Умеет предсказывать дождь? Брехня, поди! Умеет определять стороны света? Да наугад ляпает!

— Ребёнок из нищей семьи, а ещё корчит из себя небожителя, какой позор!

Ребятишки подбирали комья грязи и соломинки, швыряли их во двор и нарочно шумели, желая довести его до слёз.

Цзян-ши в спешке поднялась на ноги, заслонила собой Цзян Цзыя и сурово крикнула:

— А ну-ка убирайтесь отсюда! Если будете и дальше здесь безобразничать, я пойду к вашим родителям разбираться!

Детишки с хохотом разбежались, но, отбежав далеко, продолжали орать:

— Странный ребёнок! Дурачок! Немой!

Цзян Цзыя молча стоял за спиной матери, глядя на убегающую ватагу. Во взгляде его не было ни гнева, ни обиды, ни печали — казалось, весь этот шум не имеет к нему никакого отношения.

Цзян-ши присела на корточки, крепко обняла его, и слезы её не переставали лить:

— Сынок, тебя обидели... это всё матушка не сумела тебя защитить.

Цзян Цзыя легко похлопал её по спине и тихонько утешил:

— Матушка, не плачь... я не сержусь, мне не больно.

Цзян-ши всхлипнула:

— Они не понимают тебя, а матушка понимает; они чураются тебя, а матушка с тобой; они смеются над тобой, а матушка защищает. В твоём сердце — просторы неба и земли, тебе не нужно равняться с обычными детьми, слышишь?

Цзян Цзыя мягко кивнул:

— Я знаю... пока матушка рядом, я ничего не боюсь.

Не прошло и нескольких дней, как посреди непогоды старик Учжу вновь пожаловал к ним.

Старец по-прежнему был облачен в потрепанный плащ из соломы, седые волосы и борода блестели от дождевых капель. Шел он тяжело, но вид имел суровый и направился напрямик к хижине Цзян-ши — решимости и благоговейного трепета в нём было куда больше, чем год назад.

Услышав стук, Цзян-ши отворила дверь и, увидев Учжу, в испуге поклонилась:

— Уважаемый Учжу! В такую ненастную погоду, почему вы снова пришли? Проходите скорее в дом, погрейтесь, берегите же своё здоровье!

Старик неспешно вошел внутрь. Его взгляд тотчас упал на Цзян Цзыя, тихо стоявшего в углу комнаты. Прищурившись, он внимательно оглядел мальчика, после чего задрожал всем телом, шумно втянул воздух и долго молчал.

Цзян Цзыя спокойно смотрел на старика — без страха, без растерянности, держась с достоинством. В свои неполные годы он уже обладал такой солидной выдержкой, что даже девяностолетний Учжу, сведущий в тайнах инь-ян и постигший Небесную Волю, проникся к нему трепетом.

Лишь спустя долгое время Учжу хрипло промолвил:

— Госпожа Цзян, старик пришел сюда не случайно. Наблюдая ночью за астрологией, я увидел, что фиолетовая ци Большой Медведицы становится всё гуще и концентрируется здесь. Сердце моё подсказало, что духовная сущность этого ребенка полностью пробудилась, а Небесная Воля являет себя всё отчётливее, вот я и пришел взглянуть.

Цзян-ши торопливо подошла ближе и с тревогой в голосе произнесла:

— Уважаемый, с ребёнком в последнее время и правда творится неладное: от рождения определяет стороны света, по муравьям дождь предсказывает, и каждый раз безошибочно. В деревне его уже тайком зовут странным ребёнком, слухи ползут со всех сторон. Днями и ночами простодушная женщина трепещет от страха, боясь, что об этом узнадут власти и это навлечет на семью беду и истребление!

Глаза Цзян-ши покраснели, и она со слезами продолжила:

— Я — сирота при матери, ни опоры, ни денег. Если власти признают его демоническим ребёнком и расправятся с ним, нам с сыном останется только сгинуть!

Учжу медленно кивнул и сурово произнес:

— Это не зловещее знамение, это фундамент Небесной Воли. Способность определять стороны света — это постижение земных и небесных жил; способность предчувствовать ветер и дождь — это наблюдение за ци инь и ян. Всё это — задатки мудреца, недоступные обычным людям.

Сделав паузу, Учжу тихо добавил:

— Подобным даром не обладают сыновья даже самых знатных князей.

Он неспешно подошел к Цзян Цзыя, слегка поклонился и уважительно произнес:

— Малыш, а знаешь ли ты, какой Небесной Волей наделен?

Цзян Цзыя спокойно глядел на него и тихо ответил:

— Знаю... Небесная Воля... во мне.

Учжу снова спросил:

— А знаешь ли ты, как тяжка Небесная Воля и сколь тернист твой путь впереди?

Цзян Цзыя легко кивнул, и хоть голос его был тих, но звучал отчетливо:

— Знаю... не боюсь.

Учжу задрожал всем телом, в глазах его читалось глубокое восхищение. Повернувшись к Цзян-ши, он сказал:

— Ты слышала? Двухлетний ребенок, а уже постиг слова Небесная Воля, разум его ясен, духовная сущность раскрыта полностью. За всю свою жизнь старик не встречал столь рано созревшие задатки святого мужа!

Учжу тяжело вздохнул:

— И дело не только в ранней мудрости, у него железная выдержка, он не теряет перед лицом опасности. Да это же облик наставника императоров!

У Цзян-ши подкосились ноги, и она дрожащим голосом спросила:

— Уважаемый, сельчане сторонятся нас и боятся, слухи ширятся. Если это дойдет до властей, как нам, матери-одиночке с ребенком, выжить?

Опираясь о стену, Цзян-ши сквозь слезы спросила вновь:

— Неужели... родиться с необычными способностями — это тоже грех?

Учжу сурово произнес:

— Остается лишь скрывать свои таланты и притворяться глупцом! Отныне неукоснительно гаси свой блеск, больше ни за что не показывай сторонам света, не говори о ветре и дождя. Притворяйся самым обыкновенным, непонятливым ребенком. Нищета и тяготы — это лишь закалка, утай свой дар и не являй его миру, только так сможешь вырасти в безопасности.

— Благодарю вас, уважаемый, за указанный путь к спасению! Деревенская женщина непременно крепко всё запомню, буду строго следить за ним и не позволю ему больше выказывать и малейшей странности!

Учжу вздохнул:

— Не благодари, старик лишь следует воле неба, оберегая мудреца на пути. Если в будущем грянут великие бедствия или настанет смертный час, старик непременно тайно придет на помощь и сбережет вас, мать и сына.

И добавил:

— Если же к вам заявятся чиновники с придирками, ты просто передай весточку через людей ко мне, у меня найдутся способы всё уладить.

Затем он вновь взглянул на полутомик И Цзин, Бронзовую Предков Печать и Тысячелетний Тысячелистник, трижды погладил их, и трепет в его сердце стал еще сильнее:

— Эти три вещи — основа всей его жизни. И Цзин пробудит мудрость, предков печать укрепит родовую кровь, а тысячелистник свяжет с миром духов. Когда он вырастет, все трое сольются воедино: они упорядочат Поднебесную, успокоят простой народ, помогут мудрому правителю и заложат основы восьмисотлетнего правления династии Чжоу — никто не сможет их остановить.

Цзян-ши покачала головой:

— К чему мне эта Поднебесная и государство, к чему все эти мудрецы и императорские наставники? Я хочу лишь одного: чтобы мой сынок вырос в безопасности, чтобы был сыт и одет, не знал унижений — этого с меня хватит.

Учжу тихо вздохнул:

— Судьба вершится небом, а не людскими желаниями. Тебе лишь остается спокойно оберегать его и молча ждать бури.

Дав еще множество наставлений, старый Учжу вновь вышел под дождь, и его фигура растворилась в дождливой глуши.

Цзян-ши стояла у порога, глядя в непогоду, и бормотала про себя:

— Скрывать талант и притворяться глупцом... скрывать талант и притворяться глупцом... я запомнила...

Несколько дней спустя установилась ясная погода, и муравьи вновь в спешке принялись переселяться — сплошной плотной вереницей шагали они друг за другом.

Цзян Цзыя посидел на корточке какое-то время, поднял палец к небу и уже было открыл рот, как Цзян-ши в испуге бросилась вперед, зажала ему ротик ладошкой и торопливо прошептала:

— Сынок! Нельзя говорить! Вспомни слова уважаемого Учжу: скрывай талант, скрывай!

Цзян Цзыя посмотрел на перепуганное лицо матери, легко кивнул и тихо ответил:

— Я не скажу... только в сердце сберегу.

Цзян Цзя легонько потянул мать за рукав и мягко промолвил:

— Матушка, не бойся... я послушный, болтать не стану.

И верно, три дня спустя ливневый шторм бушевал двое суток и две ночи кряду: река слегка вышла из берегов, поля напоились влагой. Сельчане вновь ахнули от удивления, но никто уже не смел открыто рассуждать об этом — лишь издали в страхе поглядывали на них, отдаляясь еще сильнее.

Несколько мужиков у околицы перешептывались меж собой:

— Тот странный ребенок... опять угадал...

Другой поспешно замахал руками:

— И не говори, и не говори, поменьше болтовни — меньше хлопот, как бы не накликать беду.

Цзян Цзя по-прежнему проводил дни в тишине: то сидел на пороге, наблюдая за облаками, то присаживался на корточки разглядывать муравьев, то помогал матери учить иероглифы и читать свитки, то вглядывался в расположение звезд. Он никогда не капризничал и ничего не требовал, по-прежнему жалея материнские труды — часто ел и пил меньше положенного, оставляя всю жидкую кашу и грубую похлебку матушке.

Цзян-ши подавала ему плошку с жидкой кашей и мягко уговаривала:

— Сынок, поешь побольше, ты ведь в самом разгаре роста, не нужно всё время беречь еду для матушки.

Цзян Цзя качал головой и маленькой ручкой толкал чашку обратно:

— Матушка пусть ест... матушка слабая здоровьем, ей нужно кушать больше. А я не голоден.

Иногда во двор в поисках поживы забегали бродячие щенки или бездомные котята. Дети из других семей сразу же принимались гонять их и обижать, и лишь Цзян Цзя тайком отщипывал от своей лепешки из грубой муки кусочки, раскладывал их на земле и молча наблюдал, как те едят, глядя на них с нежностью и жалостью, и никогда не пугал.

Зверушки словно понимали человеческий язык: они часто прибегали, жались к его ногам и тихонько составляли ему компанию, становясь единственными товарищами по играм в его

бедные годы.

Цзян-ши сидела неподалеку за плетением циновок, наблюдала, как он гладит щенка, и мягко спрашивала:

— Сынок, тебе так нравятся эти зверушки? Они целыми днями ходят за тобой хвостом, прямо как будто признали в тебе своего маленького хозяина.

Цзян Цзыя, продолжая легонько ерошить собачью шерстку, тихо отвечал:

— Им... тоже трудно... нет еды, нет дома, холодно, голодно.

Сердце Цзян-ши смягчилось, и она вздохнула:

— У тебя доброе сердце, ты жалеешь слабых и малых. В будущем ты непременно станешь думать обо всем простоте Поднебесной и не стерпишь, чтобы люди страдали.

Цзян Цзыя поднял на нее глаза, и взгляд его был чист, а каждое слово звучало предельно ясно:

— Матушка... все живые существа... познают тяготы.

Цзян-ши задрожала всем телом, и слезы мгновенно покатались из глаз.

Совсем еще двухлетний малыш, а уже изрек: все живые существа познают тяготы, в сердце его живет сострадание ко всему сущему. Подобный склад ума давно вышел за рамки обыденности, предначертав ему необыкновенную судьбу.

Она всхлипнула:

— Ты так мал, а уже рассуждаешь о таких вещах... Тебе предстоит... пройти по чрезвычайно, чрезвычайно трудному пути.

Цзян-ши легонько погладила его по голове и со слезами произнесла:

— На том пути придется повидать все человеческие невзгоды, придется взвалить на плечи всю тяжесть Поднебесной. Матушке так жаль тебя, не хочу, чтобы ты испытывал эти лишения.

Цзян Цзыя тихо смотрел на то, как за окном начинается буря, и безмятежно промолвил:

— Матушка не боится... и я не боюсь.

Цзян Цзя крепко сжал мозолистую руку матери и серьезно сказал:

— Когда я вырасту, то защищу матушку, защищу всех людей, и больше не будет трудностей.

Хижина по-прежнему протекала во время дождей, жизнь оставалась бедной, на столе всё так же были дикие травы да жидкая каша, сельчане по-прежнему сторонились их и смотрели искоса, а бури всё так же часто налетали со двора. Но мать и сын поддерживали друг друга, в их сердцах жила стойкая вера, а в глазах мерцал слабый свет. Посреди нищеты и невзгод мятежного времени они тихо хранили друг друга и молча росли.

Весна сменялась осенью, иней падал и таял на солнце — пролетел еще один год, и Цзян Цзя исполнилось три года.

Тело его по-прежнему оставалось тощим и хрупким, он был чуть ниже ростом своих сверстников, кожа приобрела оттенок спелой пшеницы от палящего солнца и ветров, а на ручках и ножках появились мелкие мозоли. Зато спина всегда держалась прямо: стоял ли он на ветру, в грязи или под лучами солнца, он был крепок, как маленький каменный столбик, и не качался ни на йоту.

Он всё так же мало говорил, взгляд его бровей и глаз оставался отрешенным и спокойным, а зрачки сияли ярче холодных звезд, вмещая в себя всю картину неба и земли. По сравнению с двухлетним возрастом он обрел еще большую степенность, а искусство скрывать свои таланты и притворяться глупцом отточил до совершенства. Повседневно на глазах у односельчан он лишь опускал глаза и молчал, не указывая стороны света и не предсказывая погоды — вылитый глуповатый и молчаливый крестьянский малыш. Это постепенно уняло настороженность деревенских, и они стали считать его просто тихим и недалеким ребенком.

В тот год здоровье Цзян-ши немного поправилось, и она уже не решалась жить одним лишь плетением циновки в обмен на зерно. Видя, что миска для риса в доме пустеет с каждым днем, она стиснула зубы и, волоча свое слабое тело, вместе с трехлетним Цзян Цзя отправилась на пол-му своего худенького поля за деревней. Это был последний клочок бедной земли, оставленный предками семьи Цзян — каменистый и бесплодный, с ничтожным урожаем, но на нем всё же удавалось вырастить немного проса, диких травок и злаков, чтобы кое-как сводить концы с концами.

Перед выходом Цзян-ши присела на корточки, аккуратно запахнула на нем потрепанную одежку и мягко наставила:

— Сынок, придя в поле, смотри не бегай где попало, не разговаривай громко, не вздумай указывать пальцем на травы и деревья, держись ближе к матушке и ни на шаг не отходи от меня из виду, понял?

Цзян Цзя поднял личико и послушно отозвался:

— Матушка, не переживай, я не буду бегать, болтать не стану, буду все время рядом с матушкой.

Цзян-ши снова вздохнула:

— Дома нет зерна, приходится трудиться в поле, тяжело тебе.

Цзян Цзыя тихо покачал головой:

— Не тяжело. Я помогаю матушке в поле, пока матушка рядом — мне не горько.

Трехлетний Цзян Цзыя изо дня в день ходил с матерью в поле, босиком ступая по мягкой, влажной и холодной земле. Брызги грязи покрывали его щиколотки и подол штанин, слабые и тонкие ручки и ножки не знали жалоб, он никогда не плакал, не капризничал и не просился на руки.

Когда солнце палило особенно беспощадно, он тихонько усаживался на корточки в тени дерева у межи и наблюдал за грядами, травами, жучками, муравьями и проплывающими облаками. Пока мать сгибала спину, выпалывая сорняки, сея семена или орудуя мотыгой, он ковылял за ней и, подражая материнским движениям, маленькими ручками выдергивал сорняки, собирал камешки и сгребал землю. Движения его были неуклюжими, но старательными, и он не отходил от матери ни на шаг — до того смывленный, что от каждого взгляда на него у Цзян-ши ныло сердце.

В перерывах между работой мотыгой Цзян-ши то и дело оглядывалась и мягко говорила:

— Сынок, солнце слишком палящее, не стой долго на жаре, спрячься в тень под дерево, отдохни.

Цзян Цзыя поднимал голову:

— Матушка тоже пусть отдохнет, не утомляй себя, я подожду матушку.

У Цзян-ши защипало в носу, и на глаза навернулись слёзы:

— Матушка не устала, пока ты рядом, любая горесть в сладость.

Солнце в поле жгло нещадно, ветер был резким, травы и деревья увядали и расцветали заново, насекомые и птицы сновали туда-сюда — каждая травинка, каждый лист, любое насекомое и зверь находили отражение в глазах Цзян Цзыя. Без всяких учителей он научился с первого взгляда различать тридцать семь видов целебных трав на полевых межах, безошибочно разделяя их на корни, стебли, листья, цветы и плоды. Более того, он от рождения знал их

свойства — холодные, горячие, теплые, прохладные — без малейшей погрешности. Он с легкостью называл, какая трава яд выводит, какая останавливает кровь, какая унимает боль, какая отгоняет насекомых, а какая исцеляет раны. В этом он превосходил даже старого лекаря, что годами промышлял сбором трав в округе.

Поначалу Цзян-ши думала, что ребенок просто наугад тыкает пальцем во всё подряд, но однажды она поранила мотыгой ладонь, и алая кровь хлынула ручьем, причиняя такую боль, что лицо её побледнело. Цзян Цзыя тут же присел на корточки, сорвал у межи несколько травинок с круглыми листьями и тонкими стебельками, растерел их между ладошками и нежно приложил к материнской ране. Голосок его звучал мягко, но отчетливо:

— Матушка, вот это остановит кровь, боли не будет, через мгновение заживет.

Цзян-ши нахмурилась и тихо спросила:

— Разве можно прикладывать всякую полевую траву? Вдруг навредишь здоровью? Перестань проказничать.

Цзян-ши серьезно возразил:

— Не наврежу. Эта трава прохладная, останавливает кровь, кожу не повредит, матушка, поверь мне.

Цзян-ши поверила наполовину, но стоило приложить траву, как рана и впрямь перестала кровоточить и болеть, а тепло разлилось по кончикам пальцев, повергнув ее в столь долгое изумление, что она не находила слов.

Присев на корточки, она сжала холодные ручонки сына и дрожащим голосом спросила:

— Сынок, кто научил тебя распознавать эти травы? Кто сказал, что они останавливают кровь и исцеляют раны? Матушка тебя этому не учила, бабушка А-по тоже не говорила, откуда ты знаешь?

И тут же добавила:

— Уж не умеешь ли ты и вправду общаться с духами трав и деревьев?

Цзян Цзыя поднял свое личико, глядя на бескрайние заросли у поля, и тихо произнес:

— Они... сами сказали мне. Листья пахнут холодом, стебли теплом, цветы прохладой, а корни жаром. Стоит мне взглянуть, и я знаю.

И добавил:

— У трав и деревьев есть душа, они не обманывают людей, а только помогают.

Цзян-ши охватило потрясение. Она погладила его по голове и сквозь слёзы вымолвила:

— Ты, дитя моё, от рождения наделен связью с духом трав, от рождения знаешь свойства сотен целебных трав — поистине небесный дар, посланный матушке... Но о таком даре по-прежнему нельзя рассказывать чужакам, иначе тебя снова сочтут за уроца и навлекут беду, понимаешь?

Цзян-ши повторила наставление трижды:

— Даже если соседи станут расспрашивать, говори лишь, что ничего не понимаешь и не знаешь, ни в коем случае нельзя показывать и малейшего изъяна.

Цзян Цзыя послушно кивнул и маленькой ручкой ухватился за матушкин подол:

— Я понимаю. Не скажу ничего, буду только помогать матушке, только для матушки использовать.

С тех пор, стоило Цзян-ши пораниться в поле, пострадать от укусов насекомых, почувствовать боль в животе или недомогание, Цзян Цзыя неизменно срывал нужную траву, растирал ее для примочки или заваривал и поил отваром — и помощь приходила мгновенно. Он также тайком научился разбираться в съедобных диких травах и плодах: отбирал для матери свежие и безопасные, а ядовитые и колючие обходил стороной. Опираясь на этот природный дар, мать и сын избежали множества болезней, хворей и стужи.

Придерживая в ладонях дикие травы, Цзян-ши тихо спрашивала:

— Они точно не ядовиты? Смотри, не отравись по ошибке, не навреди себе.

Цзян Цзыя кивал:

— Не ядовиты, чистые и сладкие, можно есть, матушка, ешь смело.

Соседка, бабушка А-по, то и дело приходила к полю принести воды и нехитрой снеди. Заметив, как Цзян Цзыя сидит на меже и безошибочно узнает каждую травинку, она с улыбкой шутила:

— Малыш, ты опять разглядываешь эти цветочки да травки? Неужто и впрямь умеешь разговаривать с травой?

Цзян Цзя поднимал голову и серьезно кивал:

— Умею. Они говорят: холодно, тепло, жарко, голодно.

Бабушка А-по громко смеялась, принимая это за детские пустые разговоры, и протягивала лепешку из грубой муки:

— Ну-ка, умный малыш, подкрепись. Умаялся, наверное, с матушкой в поле работать, устал?

Цзян Цзя брал лепешку и первым делом подносил ее к материнским устам:

— Матушка, поешь сначала, матушка трудится тяжелее всех.

Сердце Цзян-ши наполнялось теплом, и она отталкивала лепешку:

— Матушка не голодна, а ты как раз растешь, поешь побольше.

Тогда Цзян Цзя разламывал лепешку надвое: бóльшую часть совал матери, а меньшую медленно жевал сам, тихо приговаривая:

— Едим вместе, никто не голоден, все сыты.

Бабушка А-по глядела на это и только качала головой:

— Госпожа Цзян, этот твой мальчик — самый смысленный ребенок на белом свете. В свои три года — такой послушный и заботливый, вырастет великим сыном и великим благодетелем.

<http://bllate.org/book/19338/1890979>